

УДК 821.161.1

ТРАДИЦИИ ПУШКИНСКОГО ДРУЖЕСКОГО ПОСЛАНИЯ В ЛИРИКЕ В.С. СОЛОВЬЁВА

© Юрина Наталья Геннадьевна (2021), ORCID: 0000-0002-8308-6334, SPIN-код: 9830-4645, Author ID: 57204531625, доктор филологических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (Россия, 430005, г. Саранск, пр. Большевикская, 68); dep-general@adm.mrsu.ru

В статье рассматривается характер усвоения и трансформации пушкинской литературной традиции в дружеских посланиях В.С. Соловьёва. Опираясь на труды В.А. Грехнёва, автор анализирует поэтику «серьёзных» и шуточных дружеских посланий Соловьёва и соотносит её с художественными особенностями произведений А.С. Пушкина соответствующего жанра. Делается вывод, что организация поэтических текстов Соловьёва позволяет говорить о близости представлений двух авторов об основополагающих жанровых чертах дружеского послания. «Серьёзные» дружеские послания Соловьёва достаточно далеки от традиции русского романтического послания начала XIX столетия. Они могут быть соотнесены, скорее, с лирическими стихотворениями, обращёнными к адресату. Однако в шуточных вариантах этого жанра Соловьёв во многом продолжал традицию пушкинского дружеского послания. Об этом свидетельствуют объект изображения, лирический герой и адресат, ключевые образы, композиция текстов, особенности использования иронии, ритмика, полифонизм. Вместе с тем соловьёвским произведениям был свойственен иной хронотоп, нежели тот, что характерен для поэтики пушкинского дружеского послания. Всё это позволяет утверждать, что жанровая форма дружеского послания, предполагающая максимальную тематическую свободу, внутреннюю открытость, подчёркнутую интимность, представляющая поэта и его лирического героя «подомашнему», через задушевную беседу с близкими, оказалась чрезвычайно интересна Соловьёву-поэту. При этом он ориентировался прежде всего на классический образец романтического дружеского послания, в частности, на дружеские послания А.С. Пушкина, корректируя отдельные жанровые черты в соответствии с художественными тенденциями и потребностями своей эпохи.

Ключевые слова: лирика, дружеское послание, жанровая форма, поэтическая традиция, романтизм.

А.С. Пушкин и В.С. Соловьёв. Два автора с разным уровнем поэтического таланта, представители разных литературных эпох. Тем не менее рассматривать их творчество в сопоставительном ракурсе, на наш взгляд, возможно. Это позволяют сделать, прежде всего, следующие обстоятельства: 1) важность для Соловьёва пушкинского наследия, пушкинской литературной традиции; 2) склонность обоих поэтов к жанровому экспериментаторству.

Лирика Пушкина была для Соловьёва-поэта непревзойдённой эстетической вершиной и безусловным эталоном, по которому измерялись творения всех других художников слова. Об этом свидетельствует литературная критика философа. Так, в работе «Буддийское настроение в поэзии» (1894) Соловьёв говорил о Пушкине как об авторе, определившем литературный облик не только своей, но и последующей эпохи. Для Соловьёва Пушкин – это «чистый поэт» с непосредственным, органическим отношением мысли к творчеству: «...Пушкин прямо даёт нам совершенные образцы красоты... Пушкин никогда не сомневался в правах красоты и поэтического мировоззрения...» [Соловьёв 1990в, 123]. Соловьёв подчёркивал в поэзии Пушкина «живой, благой и возвышенный» дух, «совершенную красоту» формы [Соловьёв 1990б, 59–60], его благотворное нравственное воздействие на читателя. Критик-философ был убеждён, что если по силе творчества «колоссальные тени» Гомера, Данте, Шекспира и Гёте превосходили Пушкина, то из всех мировых поэтов именно у Пушкина «сущность поэзии» проявлялась с наивысшей чистотой [Соловьёв 1990а, 225]. Логично предположить, что и сам Соловьёв писал с «оглядкой» на Пушкина. Действительно, влияние пушкинской литературной традиции можно обнаружить в различных произведениях Соловьёва, в частности, в его дружеских посланиях.

Пушкина и Соловьёва сближает дух экспериментаторства в области жанровой формы. Всеволод Алексеевич Грехнёв писал о Пушкине: «Пушкин начинал с того, что в совершенстве осваивал „язык“... жанров и, овладевая их художественной логикой, порою... сгущал их условности, как бы „играя“ ими с целью выявить меру их пластичности. Но ему неизбежно становилось тесно в кругу этих условностей, его мысль рано или поздно натывалась на неподатливую материю жанровой традиции и, ощутив её как препятствие, совершала дерзкий рывок вперёд, нередко далеко за те границы, которыми было очерчено поле зрения жанра» [Грехнёв 1985, 15]. Соловьёв-поэт, который первоначально довольно скептически относился

к собственным опытам в области лирики, стал активным экспериментатором в жанровой области. Если в сфере «серьёзной» поэзии он предпочитал в основном следовать жанровым традициям русских романтиков, то в шуточной лирике, носящей игровой характер, часто испытывал границы той или иной жанровой формы (оды, гимна, эпитафии, мистерии, дружеского послания). Это давало возможность не только для «максимального самовыражения, полного проявления... иронического мировосприятия» [Юрина 2014, 38], но и для расширения жанрово-поэтического диапазона собственных произведений, для реализации творческого проекта – воздействия мощнейшими средствами поэзии «на человека, на неидеальную, костную действительность» [Юрина 2019, 93].

Задача нашей работы – выявить степень влияния пушкинского дружеского послания на произведения аналогичной жанровой формы Соловьёва, проследить особенности восприятия и трансформации пушкинской традиции в лирике поэта-философа конца XIX века. Это важно и для понимания особенностей поэтического мира Соловьёва, и для осмысления направления трансформации жанра дружеского послания в русской лирике конца XIX столетия. Предлагаемый ракурс исследования нов для соловьёвведения, так как учёные-литературоведы сориентированы на изучение творческого диалога Соловьёва, прежде всего, с Ф.И. Тютчевым, А.А. Фетом, А.К. Толстым, Я.П. Полонским. Обозначенная проблема, конечно, затрагивалась ранее как в российской, так и в зарубежной науке, однако рассматривалась попутно, поверхностно [Голубкова 2005; Dobieszewski 2016].

Основой для осмысления материала станет методология анализа жанровой формы, предложенная В.А. Грехнёвым, признанным исследователем пушкинской поэтики лирических жанров. В работе «Лирика Пушкина: О поэтике жанров» (1985) учёный подробно рассмотрел пушкинское дружеское послание и направление его эволюции. На наш взгляд, многие суждения и выводы В.А. Грехнёва относительно жанровой формы дружеского послания, а также художественной специфики пушкинских произведений этого жанра остаются актуальными. Учёный определял лирический жанр как систему нескольких художественных уровней: 1) жанрового объекта; 2) лирического субъекта; 3) жанрового времени; 4) композиции [Грехнёв 1985, 13]. Дружеское послание, наряду с одой, элегией, он относил к динамическим жанрам, т. е. жанрам с незастывшей формой, обнов-

ляющим её в ходе литературного процесса. Вместе с тем он подчёркивал в послании особую силу традиции, быстрое превращение индивидуального в общее достояние (высокую степень индивидуализации мышления в стихотворном послании В.А. Грехнёв считал предпосылкой распада жанра [Грехнёв 1985, 16]).

В русской лирике жанр дружеского послания переживает расцвет в эпоху романтизма, в 1810–1820-е годы. В отличие от лирического стихотворения, обращённого к кому-либо, дружеское послание романтиков отличалось особым адресатом и особым характером общения. Художественный объект здесь максимально широк, он свободно охватывает как область быта в полном её диапазоне, так и область фантазии, как крупномасштабное, так и житейское, как высокое, так и низкое, как мифологическое, историческое, так и современное, как реальное, так и идеальное. «Идеологическое поле» послания – «участок бытия, в котором жизнь... пронизана отсветами искусства» [Грехнёв 1985, 27], это грань, соединяющая стилизованный быт и прозаизированную поэзию, выстраивающаяся на игровой почве. Лирический субъект и адресат послания – поэты, жители двух миров – поэтического и бытового (отсюда интерес к полярному в личности). Художественное пространство посланий 1810-х – начала 1820-х годов определялось понятием простоты и патриархальной скромности, которое метафорически выражалось через образы «домика», «хижины», «смирненного угла», «шалаша». Оно было условным и часто замещало эмпирическую реальность. Время в послании, как правило, было статичным. Для романтических произведений этого жанра были незыблемы святыни дома как особого мира, а также дружества, поэзии. Их не касалась ирония. Тема вольно смещалась из реально вещественного в идеальный план, как в дружеской беседе или письме. Образность выстраивалась на основе ассоциаций. Композицию определяли смена картин, сдвиги изобразительных ракурсов, игра предметным и метафорическим значениями образов.

«Серьёзное» послание Соловьёва, на наш взгляд, довольно далеко ушло от жанровой традиции начала XIX века, оно было ближе адресованному лирическому стихотворению (одна из крайних границ жанра, вторая – архаическая эпистола). Адресат в них размывался, терялась жёсткая установка на конкретного собеседника, сказанное становилось актуальным для широкой аудитории, образность выстраивалась как свободная, не зафиксированная определёнными символами. Так, в «Друге молодости», адресованном Д.Н. Цертелеву

(с ним Соловьёв тесно общался более четверти века), несмотря на диалогичность формы (начало с реплики-ответа – «Враг я этих умных / Громких разговоров / И бесплодно-шумных / Бесконечных споров...» [Соловьёв 1974, 114]), расширение контекста за счёт личных воспоминаний («Помнишь ли, бывало, – / Ночи те далёко...» [Соловьёв 1974, 114]), утверждался культ тишины, которая одна может раскрыть «роковые» тайны. Тем самым подрывалась незыблемая ценность дружеской беседы как духовного откровения. Коммуникативный акт мыслился осложнённо: как столкновения самодовлеющих миров, которые не всегда находят точки пересечения (логическое продолжение тютчевского: «Как сердцу высказать себя? / Другому как понять тебя?» [Тютчев 1990, 100]). Произведение лишено каких-либо биографических черт, наполнено абстрактной образностью, соотносимой с универсальным адресатом. Тема едина, она не дробится, не переключает наше внимание с одного предмета на другой. В то же время присутствует традиционная черта жанровой формы: подчёркивается нерушимость духовной связи между настоящими друзьями, значимость давно сказанного между ними.

Более соответствует традиции жанра стихотворное послание Соловьёва «Старому другу», посвящённое А.П. Саломону. Здесь поэтический объект выстраивается на контрасте жизни «истинной», духовной, и суетно-житейской. Поток повседневности трактуется как враждебный, способный разорвать дружеский круг, который удерживается общностью жизненных идеалов («возвышенные мечты»), воспоминаниями о годах «веселья и тревоги». Идеологическое поле послания здесь сохраняется, но пласт действительности не прописывается детально, обозначается через образ-метафору – «тленная темница мира». Лирический субъект и адресат в традициях жанра показываются как жители двух миров. Однако единство темы (жизнь на грани миров), логическая (не ассоциативная!) выстроенность образов приближают текст к адресованному стихотворению.

Ещё в большей мере на лирические стихотворения похожи соловьёвские «Ответ на „Плач Ярославны“», «Отзыв на „Песни из уголка“», адресованные К.К. Случевскому, «С Новым годом» (послание М.М. Стасюлевичу).

Шуточное послание Соловьёва, на наш взгляд, ближе к пушкинскому романтическому дружескому посланию. Это свободный диалог, поэтический разговор между литературными деятелями, логика которого подчиняется ассоциативности мышления. Шуточное

послание Соловьёва выросло из дружеской переписки, в которой документальное сливалось с художественным. Оно стало как бы её продолжением, впитало её черты: столкновение бытового и поэтического материала, композиционную неупорядоченность, разностильность. Не случайно частные письма у Соловьёва зачастую завершались стихотворными посланиями.

На наш взгляд, можно выделить следующие пушкинские традиции в соловьёвских шуточных посланиях.

1. *Объект изображения.* По объекту изображения Соловьёву были ближе не лицейские, а более поздние послания Пушкина, созданные в 1820-е годы. Ко второй половине 1820-х годов, считал В.А. Грехнёв, жанровый объект дружеского послания (жизнь в отсветах искусства) исчерпал себя. Жанровая форма постепенно трансформируется через заострение двойственности жанрового объекта. В посланиях «В.Л. Давыдову», «Дельвигу», «К Тургеневу» Пушкин впускает в послание неопозитизированное «прозаическое»: «Я стал умён, я лицемерю – / Пошусь, молюсь и твёрдо верю, / Что бог простит мои грехи, / Как государь мои стихи. / Говеет Инзов, и намедни / Я променял парнасски бредни / И лиру, грешный дар судьбы, / На часослов и на обедни, / Да на сушёные грибы» [Пушкин 1994б, 160]. При этом использовались разговорная лексика и разговорные интонации, сюжетные ситуации, свёрнутые эпизоды. Ту же стихию неопозитизированного прозаического находим в шуточных посланиях Соловьёва: «Пишу и Вам, пишу и на квартиру. / А то – за упокой хозяин мой / На проскомидии уж подавал просвиру, / Он человек с чувствительной душой. / А между тем себя я сглазил, видно, – / Неделю целую в недуге я морском / Страдал усиленно, – и скучно, и обидно / Стоять весь день над тазом иль горшком, / Упомяну ещё и о неврите...» [Соловьёв 1974, 172]. Автор насыщает текст биографическими элементами, индивидуальными впечатлениями. Как и Пушкин, он резко сталкивает прозаическое с поэтическим: «...я полон юных сил. / Дел и проектов столько, что у Бога / Сто сорок лет в аванс бы попросил» [Соловьёв 1974, 172]) – и добивается таким образом остро иронического эффекта.

Как и в пушкинском романтическом послании, в соловьёвском не заострялось внимание на противоречиях действительности, социальных конфликтах. Хотя при этом у Пушкина в большей мере был представлен быт, выписанный через условно поэтические детали, у Соловьёва (возможно, из-за отсутствия семьи) – общественно-

литературная реальность. В отличие от Пушкина лицейского периода Соловьёв представлял действительность не празднично, а, напротив, буднично, обыденно, через житейские детали сниженного типа. Сравним: «Над озером, в спокойной хате, / Или в траве густых лугов, / Или холма на злачном скате, / В бухарской шапке и в халате / Я буду петь моих богов» [Пушкин 1994б, 80] («Орлову») и «Не болен я и не печален, / Хоть вреден мне климат Москвы: / Он чересчур континентален, – / Здесь нет Галерной и Невы. / Ну, насолил же мне Чичерин, / Самодовольный дворянин, – / Всё переврал, как сивый мерин, / Скопец тамбовских Палестин. / Вчера прикончил я злодея. / Украл он месяц трудовой. / За это бьют! И не жалея – / Трах, трах! – и в яму головой!» [Соловьёв 1974, 171].

2. *Лирический герой, адресат.* Можно говорить о сходстве пушкинских и соловьёвских посланий по образу лирического субъекта и адресату. Общим для двух авторов является культ поэта-человека, выпадающего из стереотипа общепринятого социального поведения, образа жизни, но не способного вполне разорвать с «жизненным» все связи. Эти бытовые путы, сковывающие личность, подвергаются осмеянию, как и извечные общественные перекосы, которые не поддаются исправлениям. Конечно, у Соловьёва уже нет условных типажей, характерных для жанрового поля послания первой четверти XIX века (поэт-мудрец, поэт-студент, поэт-эпикурец, поэт-гусар и т. д.). К концу XIX столетия они вышли из широкого употребления. Зато встречаются «маски» поэта-философа, поэта-отшельника. Лирический герой романтического послания начала века представлялся как воплощение естественного и противоречивого в человеке, соединяющего полярности бытового и духовного. У Пушкина чаще всего использовался образ поэта-ленивца, к которому тяготели и образы адресатов, и сам лирический герой: «Вполглаза дремля – и зевая, / Шапеля в песнях призывая, / Пишу короткие стихи, / Среди приятного забвенья / Склонясь в подушку головой, / И в простоте, без украшенья, / Мои слагаю извиненья / Немного сонною рукой...» [Пушкин 1994а, 117] («Моему Аристарху»). Это дань эстетической платформе романтизма, с его психологией вдохновения, убеждением в необходимости особого душевного состояния для реализации художественного замысла, спокойствия, созерцательности, независимости сознания как условий творчества. Соловьёв, разделяя эстетические взгляды романтиков, может быть, менее вдохновенно, часто в сниженной, иронической манере, но отражал их в своих по-

сланиях, порой с прямой отсылкой к Пушкину: «Пишу. Глядят в окошко ели, / Морозец серебрит пути... / Стихи, однако, надоели, / Пора и к прозе перейти» [Соловьёв 1974, 161]; «„На берегу пустынных“ вод / Мне муза финская явилась: / Я только вежлив был – и вот / Злодейка тройней разродилась» [Соловьёв 1974, 161].

Общее в дружеских посланиях Пушкина 1820-х гг. и Соловьёва – присутствие индивидуальных черт за условным типажом, биографических подробностей, позволяющих узнать личность. Но субъект у Пушкина показывался в драматической раздвоенности, борениях души: «Во глубину души вникая строгим взором, / Ты оживлял её советом иль укором; / Твой жар воспламенял к высокому любовь; / Терпенье смелое во мне рождалось вновь; / Уж голос клеветы не мог меня обидеть: / Умел я презирать, умея ненавидеть» [Пушкин 1994б, 169] («Чаадаеву»). Соловьёв же крайне отрицательно относился к полярному в личности поэта (здесь – то немного, что он, судя по статье «Судьба Пушкина», категорически не принимал у Пушкина). Для него и поэтическое творчество, и житейское существование художника слова должны были соответствовать высокой миссии служения искусству, своему таланту, Богу, народу, человечеству. Очевидно, поэтому в его серьёзных посланиях принадлежность лирического героя к двум мирам, характерная для жанровой формы, никак не актуализировалась. В шуточных посланиях образы лирического героя и адресата балансируют на грани поэтико-бытового, они свободно переходят из одной сферы в другую, но психологизация этой двойственности отсутствует: «Я клянуся сей бумагой / И чернильницею сей: / Вам редакторской отвагой / Не смутить души моей. / Вдохновляемый Минервой, / Отошлю статью вам я / Лишь тогда, как ляжет первый / Снег на финские поля. / Съезжу санною дорогой / По озёрам, по рекам, / И тогда на суд ваш строгий, / Лишь тогда статью отдам» [Соловьёв 1974, 160].

3. *Образ дружеского круга.* В пушкинских дружеских посланиях, как отмечал В.А. Грехнёв, некой собирательной точкой выступал образ дома – дружеской общности [Грехнёв 1985, 70]. К ней стягивался разнородный материал: все смыслы и интонации, все стили. Интимный характер отношений между лирическим героем и адресатом позволяла соединить противоречивое, снимала недоговорённость, смысловые лакуны, делала понятными иносказания, именованные сигналы и намёки. Всё это становилось очевидным в контексте предыдущего общения, совместного прошлого опыта. Литературное

содружество единомышленников и у Соловьёва – главная точка послания, собирающая воедино всё разнообразие тем и вариаций интонаций. Круг близких друзей, выполняющих единое общественно важное дело, чрезвычайно важен для автора. Не случайно А.Ф. Лосев писал, что «понять Вл. Соловьёва можно только в связи с его прямым и непрямым окружением – литературным, и политическим, и публицистическим» [Лосев 1987, 151]. Конечно, это единство у Соловьёва не доходит по степени открытости и душевности до лицейского пушкинского братства, «дома-республики», где каждое слово интимизируется, обретает сокровенные оттенки мысли, понятные в связи с лицейскими событиями, мифами, кумирами, но и в его произведениях есть намёки на некие истории, память о былом, коллективное мнение о человеке, событии, которые сообщают высказыванию многозначность, понятную «своим»: «Не обманул я Вас, а сам обманут. / Кого я жду – за Альпами пропал!» [Соловьёв 1974, 171].

4. *Композиция.* Для композиции пушкинских посланий характерен приём «перечня» (перечисления). Его можно обнаружить в послании И.И. Тургеневу, в «Пирующих студентах» и т. д. Пушкин перечисляет имена литературных авторитетов (врагов), подробности быта, эпизоды уединённого существования, адресатов и т. д. Тот же приём находим в соловьёвском шуточном послании «М.М. Стасюлевичу»: «В столице ни души живой, / Как бы в степи безводной. / Исчез Деянов молодой / И Ратьков благородный. / В печати трепет и застой / И новостями бедно, / Брошюру издал Лев Толстой / О том, что пьянство вредно. / Гуревич Люба гонорар / У Зиночки стянула, / Волынского задел комар, / И он упал со стула» [Соловьёв 1974, 167].

5. *Ирония.* В.А. Грехнёв отмечал в пушкинском дружеском послании присутствие иронии, но подчёркивал её отличия от романтической иронии. Иронии романтиков был свойственен эпатаж догматического сознания, стремление подняться «над собой» и миром, намеренное сгущение грубого колорита «прозаической» речи для опровержения «прозы жизни», столкновение и перемешивание абсолютного и относительного, трагического и комического, высокого и низкого, своего и «чужого» [Грехнёв 1985, 30, 32]. Для произведений Пушкина был характерен комизм, но «комичность эта лишена сарказма, уничтожающей иронии, это лёгкая усмешка перед лицом того, что не воспринимается как враждебная сила, покушающаяся на независимость поэтического бытия» [Грехнёв 1991, 104]. Столкно-

вание бытового и литературного в дружеском послании Пушкина неизбежно создавало иронический эффект, но не содержало какого бы то ни было трагизма, не являлось знаком отторжения жизненной «прозы»: «Прости, украинский мудрец, / Наместник Феба и Приапа! / Твоя соломенная шляпа / Покойней, чем иной венец; / Твой Рим – деревня; ты мой папа, / Благослови ж меня, певец!» [Пушкин 1994б, 320] («Из письма к Родзянке»). Реальное здесь поэтизировалось, а потом при помощи иронии отдвигалось в область житейской прозы. Вместе с тем сгущение отвергаемого «прозаического» уравновешивалось утверждением реальных ценностей: дружбы, взаимопонимания, свободы мышления и самовыражения. В шуточных посланиях Соловьёва ирония также не является абсолютным принципом отношения к миру. Так, о собственной житейской неустроенности Соловьёв рассказывает в возвышенно-ироническом тоне, но для понимающих собеседников дух буффонады не перечёркивает при этом фактов как таковых: «Увы, мой друг! Крепчайшими цепями / Прикован я к московским берегам. / Жду худшего: сидеть мне в тёмной яме / И там вздыхать по милым Липягам. // Но если бы и был я на свободе – / Могу ли голым ехать в дальний край? / Сие противно северной природе, / Да и жандарм в земной не верит рай. // А потому, покорствуя судьбине, / Здесь остаюсь покуда недвижим, / Но октября, надеюсь, в половине / Воспользуюсь призывом я твоим» [Соловьёв 1974, 155]. Послание «Н.Я. Гроту» также подтверждает, что ирония и самоирония в произведениях Соловьёва сродни лёгкому комизму, они не доводят до трагического звучания текста, не подменяют высокого низким. Шуточное обыгрывание профессии адресанта, занимающегося издательской деятельностью («буду выпущен в тираж»), отсылка к евангельскому тексту о блуднице в связи с самооценкой («премного и беспутно я любил»), тонкий намёк на учение своего оппонента Л.Н. Толстого («Никого зато, ей-Богу, / Не родил и не убил» [Соловьёв 1974, 157]) не уничтожают идею: «Лишь с общественною ложью / В блуд корыстный не впадал» [Соловьёв 1974, 157].

6. *Ритмика*. Отличаясь особой композиционной свободой, разнообразием поэтических предметов, пушкинские лицейские послания тяготели к разнообразию мелодики. Столкновение в них стиха и прозы приводило к интонационным перепадам. Так, риторическая первая часть «Послания к Юдину» сменяется размеренным, спокойным звучанием фразы при описании быта, затем – ускоряющимся

темпом стиха при описании полёта фантазии поэта. Пластичность интонаций, их контрастность – жанровые черты послания, сориентированного на мир общения, подвижность живой разговорной речи, «чужую» речь, алогичные скачки развития темы. В шуточных посланиях Соловьёва также встречаются перебивы ритма, передающие разговорные интонации: «Редакторы и друзья! / Вас ругать намерен я. / Сказал мне Радлов, вам знакомый, / Что, духом новшества влекомый, / Ты, Грот, решил Сатурна бег / Ускорить, – дерзкий человек! / Но и не удастся и вдвоём / Ноябрь вам сделать сентябрём» [Соловьёв 1974, 160]. С XIX века в посланиях активно использовался разноstopный ямб для создания разговорных интонаций (при этом обычно не употреблялись стихи с резким колебанием стоп). Это лишало произведение монотонности, придавало ему выразительность. Преобладание ямбического размера находим в стихотворных посланиях и Пушкина, и Соловьёва («Н. Я. Гроту», «Михаилу Матвеевичу <Стасюлевичу>», «Л. М. Лопатину»).

7. *Хоровое начало.* Одним из личностных факторов, определивших присутствие в пушкинском лирическом мире жанра дружеского послания, В.А. Грехнёв называл «редкостную художественную общительность» [Грехнёв 1985, 18] поэта, «арзамасский» дух открытости свободному содружеству творцов, связанных единым делом. Пафос художественного единения с собратьями по перу не был в такой мере присущ Соловьёву, сформировавшемуся в иную литературную эпоху. Он достаточно сдержанно оценивал свой поэтический уровень, не являлся завсегдатаем литературных гостиных и вечеров, публиковал не все свои произведения. Но в его окружении было много писателей, поэтов. Соловьёв переписывался с Л.Н. Толстым, А.А. Фетом, Я.П. Полонским, семьями А.К. Толстого, Ф.М. Достоевского. При всей бытовой и семейной неустроенности, нельзя сказать, что его жизнь была жизнью одинокого человека, то и дело выпадающего из потока общественных и литературных событий. Соловьёв активно выступал на публике, печатался, участвовал в философских, литературно-критических, публицистических полемиках. Конечно, в его жизни не было пушкинского глубокого единения с миром и единомышленниками-поэтами, но ощущение причастности к общности представителей русской современной словесности, конечно, присутствовало.

Как отмечал В.А. Грехнёв, в лицейский период творчества лирический голос Пушкина в рамках дружеского послания звучал в

унисон с голосами поэтов-единомышленников, но в 1820-е стал резко выделяться из поэтического « хора » дружеского послания, поэтика которого предполагала коллективное, совокупное звучание голосов, « хоровую » идеологию. Лирическое « я » начинает слышаться у Пушкина как сольная партия, текст наполняется личностной информацией, индивидуальными эмоциями и настроением (« К Чаадаеву », « Чаадаеву »). В шуточных посланиях Соловьёва мы, напротив, находим возрождение этого « хорового » начала, которое является мировоззренчески важной структурной целостностью, характерной для пушкинского послания лицейской поры. Здесь утверждаются свобода и раскованность дружеского общения, частное возводится в статус общественно значимого. Пережив эпоху культа « другого », русская литература вновь возродила коммуникативную установку послания на равноценность общения, равноправный диалог. В шуточных посланиях Соловьёва нет диссонансов с общим дружеским « хором ». Даже при наличии разногласий с адресатом (чаще всего по идейным вопросам) они нивелируются, примиряются. Так, на размышления о субстанциях в книге Л.М. Лопатина « Понятие о душе по данным внутреннего опыта » Соловьёв отреагировал в юмористической форме: « Но мне грозит Левон неустрашимый – / Субстанций динамических мешок / Свезти к реке и массою незримой / Вдруг запрудить весь Гераклитов ток. / Левон, Левон! Оставь свою затею / И не шути с водою и огнём... / Субстанций нет! Прогнал их Гегель в шею; / Но и без них мы славно заживём! » [Соловьёв 1974, 168].

Однако принципиальна разница: пушкинские послания полифоничны: они наполнены « чужим » словом, отражают не только своё, но и чужое художественное мышление. В соловьёвских посланиях присутствуют « другие » голоса, но они лишены пушкинского многозвучия индивидуальностей, мгновенного перевоплощения и поэтической трансформации своего « я » – одной из главных особенностей пушкинского гения. Это видно при сопоставлении, например, пушкинского послания « К Батюшкову » и соловьёвского « М.М. Стасюлевичу ». В первом из текстов В.А. Грехнёв отмечал « поразительную пластичность » воссоздания мира поэта-современника при практическом отсутствии реминисценций и стилизации. Пушкин передаёт манеру письма Батюшкова с резкой очерченностью предметов, интенсивностью цвета и света, юношеской пафосностью, « создаёт лишь аналог чужого стиля, но аналог, зорко схватывающий его доминанту... » [Грехнёв, 1985, 43]. У Соловьёва же собеседник слы-

шен, но речь его не индивидуализирована: «Но мне уж слышится готовый ваш ответ, / Вы не упустите мне возразить: „Не врите!“» [Соловьёв 1974, 172].

При всей общности отдельных жанровых черт, которая была обозначена выше, нельзя не отметить и определённую разницу в поэтике пушкинского и соловьёвского дружеских посланий.

Трактовка времени. Дружеское послание пушкинской поры тяготело к устойчивой картине мира, к отсутствию заметной динамики времени, к соотносённости смерти с чем-то отдалённым до абстрактности («К Пушкину», «Моё завещание друзьям»). Время течёт где-то рядом и не касается незыблемых твердынь: дружбы, любви, поэзии. Художественная реальность разворачивается в настоящем, которое абсолютизируется, поэтически мифологизируется. Мгновение предстаёт как свёрнутое время, бесконечно продлеваемое; прошлое представлено слабо. Пушкина в большей степени интересует поток биографического времени, времени конкретной судьбы, которое слабо вплетается в динамику эпохи: «Ты счастлив, друг сердечный! / В спокойствии златом / Течет твой век беспечный, / Проходит день за днем; / И ты в беседе Граций, / Не зная чёрных бед, / Живёшь, как жил Гораций, / Хотя и не поэт» [Пушкин 1994а, 90] («К Пушкину»); «Не знаю *завтра*, ни *вчера*» [Пушкин 1994а, 128] (послание «К Юдину»). Дружеский «хор» в посланиях Соловьёва погружён во временной поток настоящего, происходящего здесь и сейчас. Автор подчёркивает течение времени указанием на собственную старость, близость смерти («Скоро, скоро, друг мой милый, / Буду выпущен в тираж / И возьму с собой в могилу / Не блистательный багаж» [Соловьёв 1974, 157]). Соловьёва чрезвычайно интересует динамика бытия (и в историко-социальном, и в философском аспектах), и он остро ощущает её: «И, с каждым годом прибавляя ходу, / Река времён несётся всё быстрее, / И, чуя издали и море, и свободу, / Я говорю спокойно: панта рэй!» [Соловьёв 1974, 168]. Время враждебно его героям, ибо содержит угрозу утраты: «...такие ветхие мы лица / И близок так могилы прах, / Что вновь воинственное пламя / Души моей уж не зажжёт...» [Соловьёв 1974, 169]. В этом отношении его послания более подвижны, внимательны к уходящему мгновению, ближе к элегии.

Трактовка пространства. Послания пушкинской поры тесно соотносены с пространственным аспектом бытия (и это, по словам Д.М. Магомедовой, отличает данную жанровую форму, например,

от элегии, «обострённо внимательной к временным аспектам бытия» [Магомедова 2011, 121]). В них структура мира представляется как противопоставление малого мира (дом, кабинет поэта) большому внешнему миру социума. Пушкин демонстративно оценивает социальный мир как мир условностей (масочности), суеты, несвободы и лжи: «От суеты столицы праздно́й, / От хладных прелестей Невы, / От вредной сплетницы молвы, / От скуки, столь разнообразной, / Меня зовут холмы, луга, / Тенисты клёны огорода, / Пустынной речки берега / И деревенская свобода» [Пушкин 1994б, 79] («Энгельгардту»). В мире поэта минимум вещей, зато эти простые вещи отражают духовные потребности человека. Мир этот мал по своему масштабу, но даёт духовный простор («Городок»). В соловьёвском послании снимается пространственная антитеза. Большой и малый миры уравновешены в нём, малый мир размыкается в большой, наполняется предметностью и идейностью большого мира социума.

Хронотоп соловьёвских шуточных посланий в целом иной, нежели у Пушкина. Столкновение двух противоположностей – города и деревни, настоящего и прошлого – здесь сохраняется, но преподносится в шуточно-ироническом ракурсе. Нередко хронотоп не детализируется, а размыкается при помощи акцентирования внимания на лирическом субъекте. Вместе с тем соловьёвские послания не переходят в пародию, в рамках которой остаются формальные признаки жанра (наименование адресата, адресованная речь), а «сама коммуникативная ситуация не имеет никакого развития» [Катаев 2013, 514]. Пародийному переосмыслению, как мы показали ранее [Юрина 2020, 124–125; Юрина 2014, 31–35], Соловьёв подверг в большей степени жанровые формы баллады, элегии, оды, гимна, эпитафии.

Таким образом, очевидно, что при создании стихотворных посланий Соловьёв ориентировался на классический образец романтического дружеского послания, в частности, на дружеские послания Пушкина. Эта жанровая форма, предполагающая максимальную тематическую свободу, внутреннюю открытость, подчёркнутую интимность, представляющая поэта и его лирического героя «подомашнему», через душевную беседу с близкими, оказалась интересна ему, видимо, в том числе в связи с бессемейностью и скитальческим образом жизни. Убеждение в том, что высокая лирика не может допустить присутствие частных эмоций и личного как такового, побудило поэта к разработке, прежде всего, варианта шуточно-

20

го дружеского послания, в котором биографические факты не только художественно трансформировались, но и окрашивались при помощи иронии. Однако и в таком ракурсе поэту удавалось раскрыть высокое содержание (темы жизни и смерти, назначения человека, миссии поэта).

В шуточных посланиях Соловьёва, стилизованных под эпистолярный экспромт, прозаическое (конкретное, бытовое) противопоставлялось поэтическому (абстрактному, вечному). Лирический герой и адресат мыслились как поэты, живущие особой жизнью на грани реального и идеального. В этих посланиях господствовала «хоровая» идеология и ценностное значение имели дружеские отношения (дружеский круг), которые были противопоставлены суете жизни. Композиция выстраивалась по принципу ассоциативности, смешения тем, картин, стилей. Большое значение имела ирония. При этом поэтика соловьёвских дружеских посланий была сориентирована на иное понимание времени и пространства, нежели у Пушкина. Всё это позволяет сделать вывод о том, что дружеское послание в русской литературе конца XIX века постепенно трансформировалось в адресованное лирическое стихотворение, а главными направлениями его модификации стали корректировка жанрового представления о времени и пространстве, усиление открытости, диалогичности.

Источники

Пушкин 1994а – Пушкин А.С. *Полное собрание сочинений*: в 17 т. Т. 1 Лицейские стихотворения. М., 1994.

Пушкин 1994б – Пушкин А.С. *Полное собрание сочинений*: в 17 т. Т. 2 (кн. 1) Стихотворения 1814–1822. М., 1994.

Соловьёв 1974 – Соловьёв В.С. *Стихотворения и шуточные пьесы*. Л., 1974.

Соловьёв 1990а – Соловьёв В.С. *Значение поэзии в стихотворениях Пушкина* // Соловьёв В.С. *Литературная критика*. М., 1990. С. 223–273.

Соловьёв 1990б – Соловьёв В.С. *Первый шаг к положительной эстетике* // Соловьёв В.С. *Литературная критика*. М., 1990. С. 59–66.

Соловьёв 1990в – Соловьёв В.С. *Поэзия гр. А.К. Толстого* // Соловьёв В.С. *Литературная критика*. М., 1990. С. 122–143.

Тютчев 1990 – Тютчев Ф.И. *Стихотворения*. М., 1990.

Словари и справочная литература

Магомедова 2011 – Магомедова Д.М. *Послание* // Теория литературных жанров / под ред. Н.Д. Тамарченко. М., 2011. С. 118–125.

Литература

Голубкова 2005 – Голубкова А.А. *Вл. Соловьёв и В. Розанов: Два подхода к Пушкину* // Владимир Соловьёв и культура Серебряного века: К 150-летию В. Соловьёва и 110-летию А.Ф. Лосева. М., 2005. С. 387–391.

Грехнёв 1985 – Грехнёв В.А. *Лирика Пушкина: О поэтике жанров*. Горький, 1985.

Грехнёв 1991 – Грехнёв В.А. *Прозаическое в лирике Пушкина* // Грехнёв В.А. *Этюды о лирике А.С. Пушкина*. Нижний Новгород, 1991. С. 99–120.

Лосев 1987 – Лосев А.Ф. *Владимир Соловьёв и его ближайшее литературное окружение* // Литературная учёба. 1987. № 3. С. 151–164.

Попов 2013 – Попов М.И. *Пародирование хронотопа дружеского послания в поэзии XIX века* // Русская словесность в России и Казахстане: аспекты интеграции. Барнаул, 2013. С. 507–514.

Юрина 2014 – Юрина Н.Г. *Жанровый состав шуточной лирики В.С. Соловьёва* // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2014. № 1. Т. 1. Филология. С. 30–39.

Юрина 2019 – Юрина Н.Г. *Литературно-художественное творчество В.С. Соловьёва в контексте русской словесности второй половины XIX века (эстетика, поэтика, стиль)*. Саранск, 2019.

Юрина 2020 – Юрина Н.Г. *Жанр пародии в поэзии В.С. Соловьёва* // Пушкинские чтения – 2020. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: материалы XXV Междунар. науч. конф. / отв. ред. проф. Т.В. Мальцева. СПб., 2020. С. 121–131.

Dobieszewski 2016 – Dobieszewski Ja. *Pushkin Through the Eyes of Vladimir Solovyov*. Kronos. Philosophical Journal. 2016. № 5. P. 34–40.

TRADITIONS OF PUSHKIN'S FRIENDLY MESSAGE IN THE LYRICS OF V.S. SOLOVYOV

© **Yurina Natalya Gennadyevna** (2021), ORCID: 0000-0002-8308-6334, SPIN-code: 9830-4645, Author ID: 57204531625, Doctor of Philology, Professor, National Research Mordovia State University of Saransk (68 Bolshhevitsaya Street, Saransk, 430005, Russia), dep-general@adm.mrsu.ru

The article examines the nature of the assimilation and transformation of the Pushkin literary tradition in the friendly messages of V.S. Solovyov. Based on the works of V.A. Grekhniyov, the author analyzes the poetics of Solovyov's "serious" and comic friendly messages and correlates it with the artistic features of A.S. Pushkin's works of the corresponding genre. It is concluded that the organization of Solovyov's poetic texts allows us to speak about the closeness of the two authors' ideas about the fundamental genre features of the friendly message. Solovyov's "serious" friendly messages are quite far from the tradition of the Russian romantic message of the beginning

of the XIX century. They can be correlated rather with lyrical poems directed to the addressee. However, in the comic versions of this genre, Solovyov mainly continued the tradition of Pushkin's friendly message. This is evidenced by the object of the image, lyrical hero and addressee, key images, composition of texts, the peculiarities of the use of irony, rhythm, polyphonism. At the same time, Solovyov's works were characterized by a different chronotope than that is characteristic of the poetics of Pushkin's friendly message. All this allows us to assert that the genre form of a friendly message, assuming maximum thematic freedom, inner openness, emphasized intimacy, representing poet and his lyrical hero "at home", through a heart-to-heart conversation with loved ones, turned out to be extremely interesting to Solovyov-the poet. At the same time, he focused primarily on the classic example of a romantic friendly message, in particular, on the friendly messages of A.S. Pushkin, correcting separate genre features in accordance with artistic trends and needs of his era.

Keywords: lyrics, friendly message, genre form, poetic tradition, romanticism.

References

(Articles from Scientific Journals)

Лосев 1987 – Losev A.F. Vladimir Solov'yov i ego blizhaysheye literaturnoye okruzheniye [Vladimir Solovyov and his literary entourage]. *Literaturnaya uchoba*, 1987, no. 3, pp. 151–164. (In Russian).

Юрина 2014 – Yurina N.G. Zhanrovyy sostav shutochnoy liriki V.S. Solov'yova [Genre composition of V.S. Solovyov's comic lyrics]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina*, 2014, no. 1, vol. 1. Philology, pp. 30–39. (In Russian).

Dobieszewski 2016 – Dobieszewski Ja. Pushkin Through the Eyes of Vladimir Solovyov. *Kronos. Philosophical Journal*, 2016, no. 5, pp. 34–40. (In English).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

Голубкова 2005 – Golubkova A.A. Vl. Solov'yov i V. Rozanov: Dva podkhoda k Pushkinu [V. Solovyov and V. Rozanov: Two approaches to Pushkin]. Vladimir Solov'yov i kul'tura Serebryanogo veka [Vladimir Solovyov and the culture of the Silver Age]. Moscow, 2005, pp. 387–391. (In Russian).

Попов 2013 – Popov M.I. Parodirovaniye khronotopa druzheskogo poslaniya v poezii XIX veka [Parody of the chronotope of a friendly message in the poetry of the XIX century]. *Russkaya slovesnost' v Rossii i Kazakhstane: aspekty integratsii* [Russian literature in Russia and Kazakhstan: aspects of integration]. Barnaul, 2013, pp. 507–514. (In Russian).

Юрина 2020 – Yurina N.G. Zhanr parodii v poezii V.S. Solov'yova [Genre of parody in V.S. Solovyov's poetry]. *Pushkinskiye chteniya – 2020. Khudozhestvennyye strategii klassicheskoy i novoy slovesnosti: zhanr, avtor, tekst* [Pushkin Read-

ings – 2020. Artistic strategies of classical and new literature: genre, author, text]. Saint-Petersburg, 2020, pp. 121–131. (In Russian).

(Monographs)

Грехнёв 1985 – Grekhnyov V.A. *Lirika Pushkina: O poetike zhanrov* [Pushkin's lyrics: About the poetics of genres]. Gorky, 1985. (In Russian).

Грехнёв 1991 – Grekhnyov V.A. *Prozaicheskoye v lirike Pushkina* [The Prosaic in Pushkin's lyrics]. Grekhnyov V.A. *Etyudy o lirike A.S. Pushkina* [Etudes about the lyrics of A.S. Pushkin]. Nizhniy Novgorod, 1991, pp. 99–120. (In Russian).

Юрина 2019 – Yurina N.G. *Literaturno-khudozhestvennoye tvorchestvo V.S. Solov'yova v kontekste russkoy slovesnosti vtoroy poloviny XIX veka (estetika, poetika, stil')* [Literary and artistic writings of V.S. Solovyov in the context of Russian Literature of the second half of the XIX century (aesthetics, poetics, style)]. Saransk, 2019. (In Russian).

Поступила в редакцию 10.11.2021